

Кавказ
на фоне «дуги нестабильности».

В 1990 году Абхазия и Южная Осетия провозгласили независимость от Грузии. В 1991 году Чечня объявила себя независимой от России.

В 1992-93 годах Грузия попыталась вернуть Абхазию и Южную Осетию военным путем, но потерпела неудачу. Миротворческие функции взяли на себя российские войска.

В начале 2000 года, после двух войн, российские войска заняли Чечню и возвратили ее в состав Российской Федерации.

В августе 2008 года грузинские войска попытались занять Южную Осетию, но были разбиты российской армией. В конце августа независимость Южной Осетии и Абхазии признала Россия; ее примеру последовала пока только Никарагуа.

На первый взгляд, особенно зарубежный, абхазский и южноосетинский вопросы – однопорядковые с чеченским. Вывод напрашивается: «справедливость» требует либо признавать всех, либо не признавать никого и блюсти территориальную целостность существующих государств в тех границах, которые они имели на момент самоопределения. Последнее составляет официальную линию США и ЕС за единственным – в рамках этой линии нелогичным – исключением для Косова. С этих позиций ведется жесткая критика России: Чечне она не захотела дать независимость, а Южную Осетию и Абхазию признала, да еще и военной силой поддержала их отделение от бедной Грузии. Остается только выступить против «российского империализма» вместе с такими выдающимися антиимпериалистами, как Буш и Маккейн, или как минимум прислать на Кавказ комиссию разбираться, кто там агрессор, а потом принять соломоново решение: виноваты обе стороны, но да здравствует территориальная целостность Грузии.

Схема получается простая и удобная. Но укладывается ли в нее история и современная реальность? И надо ли, как теперь принято, обращать внимание на конфликты только по мере их раскрутки монополизированными СМИ, забывая о тех, что тлеют пока в тени и ждут своего часа?

Откуда взялась «дуга»?

30 лет назад З. Бжезинский ввел в обиход выражение «дуга нестабильности». Он имел в виду гигантский полумесяц, протянувшийся от Северо-Восточной Африки через

Ближний Восток до Индостана. И в самом деле, большая часть военных конфликтов последних десятилетий происходила и продолжает происходить в странах этой дуги.

Бжезинский объяснял это подрывной деятельностью Москвы. Но вот сбылась его мечта, СССР разрушен, а дуга не только не остывает, но становится все горячее, расширяется, давая ответвления на запад, в страны Магриба, на север – в Среднюю Азию, на Балканы и Кавказ, а на юго-востоке смыкается с другой зоной давних конфликтов, охватившей Тибет, Непал, ряд районов Индии, Шри-Ланку, Мьянму, Таиланд, Камбоджу, часть Индонезии и юг Филиппин.

Почему именно в странах «дуги» мы наблюдаем нескончаемые сепаратистские и/или религиозно-фундаменталистские движения, действующие на грани политики и бандитизма и упорно именующие себя «национально-освободительными»?

В последние годы, особенно после 11 сентября 2001 г., было модно объяснять все происками исламских фундаменталистов. Чечня и весь Кавказ в целом вызывают, особенно на Западе, ассоциации с исламом в той же мере, что Албания, Босния или даже Афганистан. Мало кто знает, что в горах Кавказа, как и в Албании, Боснии и даже горной части Афганистана, ислам пустил корни совсем исторически недавно – в XVII-XIX (!) вв. До того времени горские народы в основном оставались язычниками. С какой же стати они стали фанатиками ислама не во времена пророка Мухаммеда или багдадских халифов, а в эпоху общей секуляризации культуры? И почему индуисты и буддисты гор Южной Азии ведут себя примерно так же? Фундаментализм ничего тут не объясняет, а сам нуждается в объяснении.

Более серьезная причина – борьба за нефть. Но и она недостаточна, т.к. сама по себе не содержит причин влияния на массы того или иного «нефтяного лобби» и той своеобразной формы, в которую выливаются результаты его деятельности. Радикал-либералы (так называемые демократы) вместе с примкнувшими к ним крайне левыми революционерами делают упор на обиды, нанесенные народам недемократическими режимами, особенно российским самодержавием и Советской властью, и заявляют о полном и абсолютном праве наций на самоопределение. Но как быть там, где само существование нации далеко не бесспорно?

Все эти построения страдают общим методологическим изъяном: глобальные и локальные, современные и исторические причины конфликтов берутся в отрыве друг от друга и соединяются чисто внешним образом. История человечества, однако, представляет собой становление целого в пространстве и во времени. Один из аспектов этой

целостности состоит в том, что взаимосвязь народов существует с глубокой древности, хотя, разумеется, масштаб и интенсивность их взаимодействия меняются от эпохи к эпохе. Другой – в том, что ни одна из пройденных человечеством стадий развития не растворялась без остатка в последующих, все они сохранялись в подчиненном и более или менее диалектически «снятом» виде. Это касается не только отношений между людьми, но и отношений людей к природе, развитие которых определяет в конечном счете весь исторический процесс.

Если внимательно посмотреть на карту, то нетрудно заметить, что «дуга» вытянута вдоль основных горных хребтов Евразии и Северной Африки. Этим объясняется богатство стран «дуги» нефтью и газом, залегающими в прогибах земной коры вдоль гор. Но каждая эпоха вовлекает в оборот человеческой деятельности свой круг природных ресурсов. Было время, когда для развития человечества важнейшую роль играли сами горы субтропического и тропического поясов, где широтная зональность играет существенно менее важную роль, нежели высотная поясность, и различные природно-климатические зоны разделены считанными километрами, а горные долины представляют собой естественные изоляты со своей, во многом эндемичной, флорой и фауной. По всему этому живая природа гор отличалась наибольшим генетическим разнообразием. С другой стороны, возможности экстенсивной охоты и собирательства были здесь меньше, чем на равнине.

Именно горы около 10 тысяч лет назад стали родиной производящего хозяйства – земледелия и скотоводства. Здесь же зародились ремесла, в том числе металлургия меди и бронзы, начавшая использовать рудные богатства гор. Здесь – колыбель большинства народов и языков последующей эпохи. Но эта эпоха началась уже не в горах. Важнейшим ресурсом стала плодородная почва речных долин, и там впервые 5 – 6 тысяч лет назад родовые отношения сменились раннеклассовыми. В горах историческое развитие пошло иным путем. Причиной было не только меньшее плодородие почв, не дававших большого избыточного продукта, но и возможность в пределах одной или нескольких соседних долин снимать урожаи разных климатических зон и перегонять стада с летних пастбищ на зимние. Поэтому горцы долгое время почти не нуждались в обмене товарами, да и излишков для обмена у них было немного. Такая форма отношений людей с природой детерминировала особую устойчивость если уже не родового, то общинного строя. Объединение горских общин было возможно далеко не везде и только в форме *протоклассовой* иерархии: между общинами существовало разделение труда, глава

господствующей общины титуловался царем, но и подчиненные общины сохраняли самоуправление и свои обычаи, и объединение держалось лишь пока обеспечивало общие интересы. Попытка превратить подобную иерархию в действительное господство эксплуататорского класса вызывала решительное сопротивление общин.

Народам равнин жизнь в крупном государстве несла не только минусы, но и немалые плюсы: прекращение внутренних усобиц, облегчение товарного обмена, защиту от набегов и т.п., горцам же – только насильственное разрушение родового строя и всех прадедовских обычаев, не в последнюю очередь – обычая совершать набеги на равнины и пополнять добычей не слишком щедрые дары горных нив и пастбищ. Поэтому горцы оказывали любым завоевателям отчаянное сопротивление. В горных ущельях горстка смельчаков могла остановить и измотать целое войско. Неудивительно, что и в Древности, и в Средневековье горцы, будь то предки басков или албанцев, балканских славян или румын, курдов или таи, берберов или тибетцев, народов Гиндукуша или Кавказа, почти никогда не бывали окончательно покорены. Племена, побежденные на равнине, но не желавшие покоряться врагу, оседали в горах, превращая их со временем в этнографический музей под открытым небом.

По мере развития разделения труда между земледельческими и скотоводческими народами равнин, между народами сухопутными и морскими горные страны становились в лучшем случае источником сырья (минерального, лесного и др.), в худшем – труднопреодолимой преградой на путях к соседям, жившим по другую сторону. С конца Древности, когда началась торговля между Средиземноморьем и странами Южной и Восточной Азии, горные хребты «дуги» оказались между двумя путями этой торговли. Один проходил севернее гор, по Великой Степи, другой южнее, по Средиземному морю и Индийскому океану.

В странах субтропического пояса уже в Средневековье сложился мощный торгово-ростовщический капитал, извлекавший прибыль из разницы цен на одни и те же товары в удаленных друг от друга областях. Посредническую торговлю удобнее всего было вести в пределах империй, соединявших под единой властью разные страны, но не связанных органически ни с одной из них. Такие империи и возникали на всем протяжении субтропического пояса – от Испании до Китая. Наиболее активную роль в их создании играли кочевники, издавна заинтересованные в торговом посредничестве, а наиболее адекватной этим условиям идеологией стал ислам. Представители других конфессий,

например, крестоносцы, в борьбе за торговые пути выступали носителями той же имперской тенденции.

В странах, где в начале Средневековья хозяйство было преимущественно натуральным, разделение труда, обмен и государственность складывались в первую очередь в рамках одной народности. Эта тенденция, противостоявшая имперской, подготовила образование национальных государств. На Западе и Дальнем Востоке они преобладали в странах умеренного пояса, на всем остальном Востоке – среди народов горных стран (Закавказья, Эфиопии, юга Средней Азии, Гималаев, Индокитая и др.). И в том, и в другом случае некоторые народности могли развиваться в нации только в ожесточенной борьбе против империй (Альморавидов и Альмохадов, сельджуков, Чингизидов, Османов, крестоносцев и т.д.). Эта борьба шла в форме своеобразных народных движений, сочетавших вооруженную самооборону с военно-колониационным движением на новые земли. Наиболее известное из таких движений – Реконкиста, развернувшаяся на Пиренейском (Иберийском) полуострове. Но оно было отнюдь не единственным. Можно говорить о десятке, по крайней мере, реконкист XI-XV вв. Большинство их были делом народов гор, где малоземелье делало жизненно необходимой колонизацию равнины. Но почти всюду (Балканы, Закавказье, Эфиопия, Средняя Азия и т.д.) борьба с империями, располагавшими неизмеримо большими ресурсами, была для народов гор неудачной. Они оказались заперты в глухих долинах и лишены возможности самостоятельного национального развития. Вся «дуга нестабильности» – огромное кладбище потерпевших поражение реконкист.

Уже русский историк XIX в. Т.Н. Грановский обратил внимание на то, что не только христианский Запад, но и мусульманский, индуистский и буддистский Восток практически одновременно, в начале XVI в., были захвачены волной религиозно-политических реформ. В то время возник современный шиизм, сикхизм и другие течения, ориентированные, подобно христианскому протестантизму, на личную веру и мирское призвание верующего. Но где есть Реформация, там неизбежно возникает Контрреформация. У католических монашеских орденов на Востоке были коллеги. Среди буддистов это ламаисты, сумевшие поставить теократию на место светской власти в Тибете и Монголии XVI-XVII вв., а среди мусульман – прежде всего дервишеские тарикаты (от арабского «тарик» – «путь»). К XVI в. в наиболее развитых странах, например, в Средней Азии, они были уже мощными корпорациями, включавшими не только армии нищенствующих дервишей, но и целые династии некоронованных владык. Земельным и денежным богатствам тарикатов не было

равных на Востоке. В них состояли знаменитые поэты и основатели империй. Тарикаты вели широкую миссионерскую деятельность в Центральной Азии, в Африке и на Кавказе, где они заняли место ослабевшей светской власти.

Обращает на себя внимание факт, что во всех конфессиях контрреформационные силы находили поддержку среди горцев. Это не удивительно. Развитие товарно-денежного хозяйства, а затем и капиталистических отношений, которое так или иначе отражали реформационные течения, неумолимо подрывало общинные порядки. Этот процесс, тяжелый и для земледельцев равнин, для жителей гор означал катастрофу. Зачастую при остром земельном голоде избыточному населению было просто некуда деваться, кроме как в монастыри или на войну. И подобно тому, как австрийские Габсбурги вербовали ландскнехтов в католической Хорватии, Османская империя все активнее комплектовала войска из обращаемых в ислам боснийцев, албанцев, грузин. Традиционные же для горцев набеги на равнинных соседей и друг на друга в этих условиях превратились в вековые междоусобицы хорватов и сербов, сербов и албанцев, грузин и абхазов, армян и курдов и т.д. Все эти усобицы разжигались и использовались как Османской империей, так и западными державами, не раз подбивавшими малые народы на восстания, игравшие роль разменной монеты их политики.

«Гора языков».

Кавказ – географический и исторический перекресток между Средиземноморьем и Азией, евроазиатской Степью и Ближним Востоком – еще в Средневековье прозвали «горой языков». Десятки народов живут здесь либо чересполосно, либо по принципу «вертикальной этажности». К югу от Большого Кавказского хребта, в долинах с субтропическим климатом, еще в Древности возникли классовые общества, письменная культура, сложились государства: Армения, Иберия (позднейшая Грузия) и Кавказская Албания (нынешний Азербайджан). Также еще в Древности сформировались три этнические группы у главных проходов через Большой Кавказский хребет – вдоль Каспийского и Черного морей и в долине Терека. Восточный Кавказ стал родиной лезгин, аварцев и многих других народов Дагестана («страны гор»), а также вайнахов (чеченцев и ингушей); некоторые историки считают эти народы родственными кутиям, касситам и хурритам, вторгавшимся в Месопотамию и Малую Азию в III-I тысячелетиях до н.э. Западный Кавказ заселили потомки хаттов, древнейшего населения Малой Азии, которому человечество обязано началом железного века, предки абхазов, адыгов и абазин. В

предгорьях Центрального Кавказа расселились ираноязычные аланы – потомки скифов и кавказских племен бронзового века, предки осетин. Уже в Средневековье тюркоязычные народы, вытесненные следующими волнами кочевников из степи, нашли новую родину на Кавказе: балкарцы и карачаевцы – на западе, кумыки и ногайцы – на востоке. Издавна жили здесь и славяне: в X-XII веках на Таманском полуострове существовало русское княжество Тмутаракань. Между Аланским государством и Русью поддерживались тесные связи, заключались династические браки. Александр Невский был внуком аланской княжны.

Средневековые народы Кавказа жили главным образом в предгорьях, вели многоотраслевое хозяйство, имели свои города и довольно обширные государства. Официальной религией почти везде было христианство, но большинство горцев оставались язычниками.

Перекресток торговых путей постоянно манил завоевателей. В VIII веке арабам удалось завоевать Грузию и все Закавказье, проникнуть в Дагестан, но их остановили Абхазское и Аланское царства. Абхазы начали отвоевание Грузии у арабов, создав в ходе закавказской реконкисты Абхазско-Грузинское царство. В XI веке нашествие тюрк-сельджуков смело два из трех государств Закавказья. Население Кавказской Албании было обращено в ислам и, кроме ираноязычных талышей на юге, ассимилировано тюрками, дав начало азербайджанской народности. Армяне сохранили язык и веру, но государственность утратили. Грузия отбилась от сельджуков с помощью алан; царица Тамар, при которой страна достигла могущества (рубеж XII-XIII вв.), была замужем за аланским князем Давидом Сослани.

В XIII в. Грузия, Азербайджан, государства алан, лезгин, вайнахов упорно сопротивлялись Чингиздам, но силы были неравны. Не успел Кавказ залечить раны, как полчища Тимура не оставили от большинства государств камня на камне. Последнее на Северном Кавказе сильное адыгское княжество Кабарда было разгромлено в XVI в. крымскими ханами. Армения была разделена между османами и персами; только в горах Арцаха, по-тюркски Карабаха, сохранились небольшие армянские княжества. Азербайджанские ханы назначались шахиншахом. Грузия распалась на 4 владетельных княжества и 3 царства, каждое меньше среднего немецкого княжества, – вассалов и данников шахиншаха либо султана; юго-запад (Аджария и Месхетия) был непосредственно включен в Османскую империю, исламизирован и отчасти отуречен.

Неблагоприятны для самостоятельного развития народов Кавказа были не только международные, но и социально-экономические условия. Князья и дворяне Грузии и Кабарды, ханы и беки Азербайджана, подобно магнатам Центральной и Юго-Восточной Европы, втягивались в посредническую торговлю и закрепощали крестьян. Они не были заинтересованы в сильной власти государей, опиравшихся на свободных крестьян и ремесленников. С XVI по XVIII в. османские и персидские завоеватели совместно со знатью умирляли крестьян и топили в крови борьбу за независимость. С тех пор национальное предательство ради социального господства стало прочной традицией эксплуататорских классов Закавказья.

Многие народы Северного Кавказа были оттеснены в горные ущелья, вынуждены заняться главным образом отгонным скотоводством и веками отвоевывать друг у друга клочки горных пастбищ; их государства исчезли, уступив место множеству самоуправляющихся общин. Грустная шутка, что на Кавказе владелец барана – дворянин, а владелец десяти баранов – уже князь, была не так уж далека от реальности. Во многих районах главным источником доходов таких дворян и князей была поставка живого товара турецким и персидским работоторговцам. С XVI-XVII вв. мусульманские тарикаты начали обращать горцев в свою веру не только словом проповеди, но и огнем и мечом. Над народами Кавказа, особенно христианскими (армянами, грузинами, осетинами), нависла угроза геноцида.

Кавказ и Российская империя.

В XVI веке, когда из Московского княжества выросло Российское государство, оно стало непосредственным соседом Кавказа. На правобережье Терека обосновались первые казачьи общины – передовые отряды земледельческой колонизации степи. На протяжении трех столетий (XVI-XVIII) России пришлось вести почти непрерывные войны за прорыв «восточного барьера», состоявшего из шведских, польских и османских владений и отрезавшего ее от мировых торговых путей. Эти войны не могли не затронуть юго-восточный фланг «барьера» – Кавказ. Для части адыгов, вайнахов, народов Дагестана, избравших казачьи станицы объектом набегов, союзником стал враг России – Османская империя. Для других народов союз с Россией был единственной надеждой на спасение от геноцида.

Уже в XVI веке грузинские цари и князья Кабарды просили московского царя принять их «под свою руку». В 1774 г. в российское подданство перешли осетинские общины и Кабарда. В предгорьях выросли крепости Владикавказ, Грозный, Георгиевск. Русским

войскам был открыт путь в Закавказье. В 1783 г. Ираклий II, царь Восточной Грузии, подписал в Георгиевске трактат о переходе под покровительство России. В 1801 г. Восточная Грузия была включена в состав Российской империи. После ряда войн с Османской империей и Персией под власть России перешли Западная Грузия, Восточная Армения и Северный Азербайджан; западная, большая, часть Армении и юго-запад Грузин остались под османским игом, Южный Азербайджан – под властью шахиншахов.

Прочно контролировать Закавказье Россия могла, только овладев Большим Кавказским хребтом и положив конец горской вольнице. Добиться этого оказалось очень трудно. Тарикаты объявили русским священную войну. В горах Дагестана и Чечни образовалось теократическое государство имама Шамиля. Только в 1859 г. русским войскам удалось взять Шамиля в плен, а в 1864 г. – подавить сопротивление западных адыгов.

Кавказская война породила в либеральных и левых кругах Западной Европы стереотип восприятия: маленькие свободолюбивые народы самоотверженно сражаются против царской деспотии. Реальность была куда сложнее. Конечно, для жителей глухих аулов могла существовать только их община, на которую, как и сто, и триста лет назад, наступают враги. Но от их сознания была скрыта международная взаимосвязь, определявшая возможные результаты их борьбы. Борьба за независимость при поддержке дряхлой Османской империи, угнетавшей и даже истреблявшей подвластные ей народы, – такой казус сам по себе должен был бы привлечь внимание историков. К тому же, в XIX в. сама Османская империя была не более чем зависимым придатком другой империи – Британской. При активном участии политиков с берегов Альбиона возник мираж «независимой Черкесии», обернувшийся вывозом миллионов «черкесов», т.е. большинства адыгов и абазин, значительной части абхазов и чеченцев, в Турцию и на Ближний Восток. Там они частью вымерли от голода и болезней, частью были превращены в военно-полицейское орудие султанской политики геноцида. Этот образчик имперской политики «разделяй и властвуй» наглядно демонстрирует истинную цену «независимости», опирающейся на помощь колонизаторов. Это предостережение против поспешности в вопросе о справедливом или несправедливом характере той или иной войны. Вопрос этот в принципе нельзя правильно решить, руководствуясь соображениями, кто на кого напал и кто кого завоевал, без учета объективного международного положения воюющих сторон.

Ситуация в самих Кавказских горах была не менее сложна. Ничего похожего на единство всех горцев или всех мусульман в борьбе против России никогда не было. Шамиль и другие предводители тарикатов воевали не только с русскими, но и с традиционной горской знатью, а иногда и с целыми народами. Свой религиозный авторитет и светскую власть им нередко приходилось утверждать самым настоящим террором, жестоко подавляя восстания. Общины адыгов и вайнахов, втянутые в «священную войну», даже этнически обособились от соплеменников, сохранивших традиционный уклад: западные адыги – от кабардинцев, чеченцы – от ингушей.

В ходе Кавказской войны проявлялись не только межэтнические, но и классовые противоречия. Например, императорские наместники посылали карательные экспедиции против осетин, лояльных России, но не желавших отдавать свои земли грузинским князьям и платить им подати. А некоторые грузинские князья, недовольные отменой крепостного права, во время русско-турецких войн поднимали мятежи и приглашали на помощь турецкие войска.

Присоединение Кавказа к России имело противоречивые последствия. Устранение рабства и работорговли, отмена крепостничества, ликвидация теократии открыли народам пути прогрессивного развития. Русские поселенцы принесли на Кавказ более передовую экономику и культуру. Но рука самодержавия была тяжела. Много земель было отторгнуто у горцев, особенно у ингушей, чеченцев и народов Дагестана, в пользу казачьих станиц. Адыгов вообще поставили перед выбором: или отдавайте земли казакам, а сами переселяйтесь куда укажут, или выселяйтесь во владения султана. В Грузии царская бюрократия пыталась даже запретить изучение грузинского языка.

При всем этом присоединение к России было единственной альтернативой еще более тяжелому угнетению и геноциду в условиях, когда Османская и Персидская империи превращались в промежуточные звенья колониального раздела мира между западноевропейскими метрополиями и это давало им возможность подавлять и даже истреблять целые народы. Господство России на Кавказе нет оснований считать колониальным. Четкой грани между метрополией и завоеванными ею землями, как это свойственно любой колониальной империи, в Российской империи не было. Самодержавие стремилось, присоединяя новые земли, не уничтожать местную знать, а включать ее в состав правящего сословия империи. (Сын Шамиля учился в Пажеском корпусе – самом престижном учебном заведении страны). И в большинстве случаев горская знать шла на такое соглашение. Трудящиеся любой национальности, в том числе

русской, одинаково страдали от эксплуатации и угнетения, и это создавало возможность единства в борьбе за освобождение.

Революция и контрреволюция: кавказский вариант.

К концу XIX в. на Кавказе появились центры крупной капиталистической промышленности. Баку и Грозный стали одними из первых в мире районов добычи нового стратегического сырья – нефти, Грузия и Армения – меди и марганца. Кавказ пересекли железные дороги, на берегах морей были построены крупные порты. Рабочие и специалисты – русские, армяне, грузины, осетины, азербайджанцы и другие – трудились вместе. Возникла массовая база революционной социал-демократии. Ее влиянию на Кавказе очень помогло безоговорочное признание большевистской партией права наций на самоопределение.

Развитие капитализма утяжелило эксплуатацию деревни. Помещики захватывали общинные земли, произвольно повышали подати, их наемники терроризировали неугодных. Крестьянам Осетии, Кабарды, Западной Грузии приходилось отстаивать свободу и землю с оружием в руках. В самых малоземельных районах, например в Южной Осетии, многим пришлось переселиться в города. Сложились условия для прочного союза трудящихся деревни и города. К 1917 году большевистские организации работали во всех центрах и во многих сельских районах Северного Кавказа и Закавказья.

Но крупные капиталистические центры были на Кавказе анклавами, связанными не столько с местным рынком, сколько с общероссийским и мировым. Их окружало море мелкого производства. Далеко еще не завершилось формирование наций, не исключая даже русской: казаки считали себя особым этносом и смотрели на пришельцев «из России» как на чужаков. Социальные различия часто совпадали с этническими и религиозными. В городах Азербайджана и Грузии силен был армянский капитал. Непосредственными эксплуататорами армянских крестьян были азербайджанские ханы и беки. Горцы Северного Кавказа мечтали вернуть земли, занятые казаками. Давние конфликты и обиды разделяли карачаевцев и балкарцев с адыгами, осетин с ингушами. Для отсталого крестьянина и даже рабочего, не говоря уже о многочисленной мелкой и средней буржуазии, сосед другой национальности и веры был в лучшем случае чужаком, в худшем – врагом. К этому надо добавить идущую из глубин родового строя традицию кровной мести и многовековую привычку разрешать любые конфликты оружием. По всему этому мелкобуржуазные интересы и взгляды, имевшие более широкую базу, чем

пролетарские, отливались в особо реакционную форму национал-шовинизма, приправленного религиозной ненавистью.

В начале XX в. в Закавказье возникли националистические партии: в Армении – Дашнакцутюн («Единение»), в Азербайджане – Мусават («Равенство»); в Грузии носителем подобной идеологии стало меньшевистское крыло социал-демократии. Разжигая между народами вражду вплоть до погромов, националисты находили общий язык в борьбе против пролетарского интернационализма.

В октябре 1917 г. мусаватисты, дашнаки и грузинские меньшевики отказались признать Советскую власть. Им удалось не допустить ее установления во всем Закавказье, кроме Баку. Тогдашние, как и теперешние, националисты признавали право на отделение только за собой, но не за другими: грузинские меньшевики насильственно, вопреки ясно выраженной воле народов, аннексировали Абхазию, Южную Осетию, Аджарию, мусаватисты – земли армян, курдов, талышей и лезгин. Грузинские «демократические социалисты» и борцы за Великую Армению вместе с вековыми врагами своих народов – мусульманскими ханами и беками провозгласили «демократическую федеративную республику». Они вместе душили красный Баку, вместе отвергали Брестский мир, навлекая на Кавказ германо-турецкую интервенцию. Когда в мае 1918 г. интервенция стала фактом, мусаватисты взяли ориентацию на Стамбул, меньшевики и дашнаки – на Берлин. Федерация развалилась, и три «суверенных» государства подписали с интервентами кабальные договоры – много хуже Брестского; именно эти даты в сегодняшнем Закавказье празднуют как дни независимости.

На Северном Кавказе с его этнической чересполосицей сильных националистических партий не было. Только в мае 1917 г., перед непосредственной угрозой пролетарской революции, кумыкский князь Капланов, чеченский нефтепромышленник Чермоев, кабардинский коннозаводчик Коцев, царский чиновник ингуш Джабагиев и другие учредили «Союз объединенных горцев Кавказа». В ноябре 1917 г. они провозгласили во Владикавказе «Горскую республику» и попытались совместно с казачьими областями отложиться от Советской России. Но уже 3 марта 1918 г. съезд народов Терек провозгласил Терскую Советскую республику, а на следующий день признал ее неотъемлемой частью Советской России. В правительство вошли представители нескольких левых партий и беспартийные, председателем стал большевик С.Г. Буачидзе. Лидеры «Горской республики» бежали в меньшевистскую Грузию.

Революция открыла Кавказу качественно новый путь решения социальных и национальных проблем. Была отменена частная собственность на землю, леса и недра, национализированы нефть и промышленные предприятия. Горцам были возвращены отнятые у них при царизме земли, а казакам выделены другие. Республика, почти отрезанная белогвардейскими мятежами от центра Советской России, держалась около года. Ее руководители (после гибели Буачидзе во главе встал Серго Орджоникидзе) совершили почти невозможное – в раздираемом национальной враждой крае объединили трудовой народ против угнетателей. Нефтяники Грозного и чеченские бойцы Асланбека Шерипова, осетины и ингуши, красные казаки и дагестанцы во главе с Махачем Дахадаевым, грузины и рабочие-китайцы, отступившие на Кавказ украинцы и красноармейцы Таманской дивизии вместе отбивали атаки наседавших со всех сторон врагов. По признанию главнокомандующего белых Деникина, его Добровольческая армия нигде и никогда не встречала такого сопротивления и не несла таких потерь.

Белым вообще пришел бы конец, если бы центр реально помог Кавказу. Но председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий был озабочен лишь ускоренным преобразованием армии Терской республики в 11-ю армию и заменой выборных командиров назначенными. В казачье-горском крае, где испокон веков командиров выбирали, это вело только к мятежам и развалу армии. Пришлось назначить командующим бывшего наркомвоена Терской республики, уроженца этих мест Левандовского. Но помощи армия по-прежнему не получала. Орджоникидзе телеграфировал в Москву: «Для того, чтобы сделать что-нибудь, необходимо одеть армию и дать ей в большом количестве патроны и снаряды. Мы все кормим ее обещаниями от Троцкого.., но этим, конечно, Деникина не побьем». Даже когда у красных оставалось по пять патронов на винтовку и по пять снарядов на орудие, белых отбрасывали штыковыми атаками. Только когда тиф скошил две трети армии, наступил конец. Левандовский предложил отступить на Астрахань. Орджоникидзе предупреждал: «Тогда мы целую Терскую область бросим на произвол судьбы... горским населением подобный отход будет квалифицирован как предательство их нами, и мы политически умрем навсегда для Северного Кавказа». 24 января Серго радировал Ленину: «XI армии нет... Ночью вопрос стоял покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Мы считаем это политическим дезертирством... Положение может быть спасено, если вами будет переброшено сюда 15 или 20 тысяч свежих войск. Дайте патронов, снарядов, денег... Среди рабочих Грозного и Владикавказа непоколебимое решение сражаться, но не уходить. Симпатии горских

народов на нашей стороне»¹. Последняя радиограмма ушла в Москву 7 февраля, за несколько часов до того, как деникинские батареи расстреляли радиостанцию. Помощь так и не пришла.

Несмотря на эту трагедию, большевики не умерли для Кавказа. Часть 11-й армии перешла к партизанской войне в горах. Уже 16 февраля был сформирован подпольный Дагестанский обком РКП(б) во главе с Уллубием Буйнакским, в котором были представители многих народов края. Обком поставил задачу создания федерации горских народов на платформе Советской власти. Началась подготовка восстания против «Горского правительства», пытавшегося занять место Советской власти. Националистам удалось арестовать Буйнакского и его товарищей; по приговору «военно-шариатского суда» они были расстреляны. Но выиграли от этого только русские белогвардейцы. Деникин, уже мнивший себя победителем большевиков, ввел в горы Кавказа войска и ликвидировал горскую автономию.

Это привело к всеобщему восстанию. Националисты и мусульманское духовенство были вынуждены пойти на союз с большевиками. В октябре, в дни решающего сражения за Москву, в Дагестане была создана Армия свободы. Горы полностью перешли в руки повстанцев. Деникину пришлось с фронта значительную часть войск, чтобы отбить у партизан хотя бы Грозный. На освобожденной территории прошли всеобщие прямые выборы высшего органа Советской власти в крае – Дагестанского совета обороны; несмотря на название, он представлял не только дагестанцев, но и осетин, балкарцев, карачаевцев. В марте 1920 г., еще до подхода Красной армии, повстанческие отряды изгнали белых из городов.

Союз народов Северного Кавказа под красным знаменем революции контрастировал с тем, что творилось по другую сторону гор. С окончанием Первой мировой войны немцев и турок сменили британцы. Но долго они не удержались; на отчаянную просьбу дашнаков военный министр Черчилль ответил: «Британский флот не может причалить к горе Арарат». Дашнаки добились было мандата США на Армению, но сенат не ратифицировал соглашение. За два года суверенитета экономика всех трех государств была полностью развалена, народ вымирал от голода и эпидемий. Забастовки рабочих и восстания крестьян топились в крови. Все три государства успели ввязаться между собой в войны из-за спорных районов со смешанным населением, а на самом деле – из-за нефтепроводов и рудников, но интервенты учредили там нейтральные зоны и взяли все богатства недр в свои руки.

Северный Кавказ и Закавказье не могли долго двигаться в противоположных направлениях. Главный Кавказский хребет с высокогорными проходами, с трудом поддающимися контролю, мало пригоден для роли государственной границы и никогда ею не был. Почти на всем его протяжении по обе стороны гор живут одни и те же или родственные народы. Националисты Закавказья и их империалистические покровители не могли считать свое господство прочным, пока на Северном Кавказе была Советская власть, а Советская Россия не могла оставить на произвол судьбы народы, связанные с нею тысячами исторических нитей.

В апреле 1920 г., когда мусаватисты отправили большую часть армии воевать с Арменией, бакинские коммунисты подняли восстание. Гарнизон перешел на их сторону, парламент передал им власть. Была провозглашена советская социалистическая республика. Азербайджанский ревком обратился к российскому Совнаркому: «Не имея возможности собственными силами удержать натиск соединенных банд внешней и внутренней контрреволюции, предлагаем вступить в братский союз... Просим немедленно оказать помощь путем посылки отрядов Красной армии». Примерно так же развивались события в ноябре 1920 г. в Армении, в феврале 1921 г. в Грузии.

Год спустя, в феврале 1922 г., Азербайджан, Армения и Грузия объединились в Закавказскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику. Это был прообраз Советского Союза. 30 декабря того же года ЗСФСР вместе с Советскими Россией, Украиной и Белоруссией вступила в СССР.

Ход и исход Гражданской войны на Кавказе позволяют сделать вывод, подтвержденный последующим опытом других стран «дуги»: никакой национализм, ни в великодержавно-диктаторском, ни в мелкодержавно-«демократическом» варианте, не в состоянии предотвратить взаимное истребление народов и обеспечить их мирное сожительство. Банкротство идеологии национализма пришлось признать и тем, кто был заражен ею: значительная часть националистов, сначала на северном Кавказе, а затем в Закавказье, примкнула к большевикам, не видя для себя и своих народов иной перспективы. Вывести Кавказ из кровавого тупика оказалось по силам только пролетарскому интернационализму.

Взлет и падение СССР: кавказский аспект.

Многим из тех, кто добывал победу в боях, «военный коммунизм» казался преддверием коммунизма подлинного. Но реальная ситуация, особенно на национальных

окраинах, была много сложнее. Пролетариат победил в блоке с мелкобуржуазной демократией, в том числе националистического толка. Крестьяне, составлявшие большинство кавказских народов, боролись за землю и волю, против интервенции, голода и геноцида, местами против помещиков, но не за социализм и уж подавно не за «военный коммунизм». Поэтому не удивительно, что всего через год после всеобщего восстания против белых в Кавказских горах начались вооруженные выступления против большевиков. Переход к нэпу способствовал некоторому успокоению, но ценой усиления в деревне влияния кулачества и духовенства. Особенно сложная ситуация сложилась в Закавказье, где установление Советской власти совпало с началом нэпа.

Коллективизация сельского хозяйства в СССР объективно была не столько кооперированием мелких собственников, сколько возрождением на новой основе общинных традиций деревни, которые капитализм не успел полностью уничтожить и стереть из народной памяти. На многих национальных окраинах, в том числе в горах Кавказа, приходилось говорить не просто о традициях, а о живом общинном укладе. Но тенденция к его максимально бережному реформированию и адаптации к новым условиям была не единственной. Ей противостояла тенденция к ломке отношений общинного землепользования и самоуправления, которая порождалась уже тем, что раннему социализму пришлось решать задачу, органичную не ему, а капитализму, – осуществлять или завершать промышленный переворот. Эта вторая тенденция усиливалась экстремальными условиями развития СССР, толкавшими к форсированию социально-экономических преобразований; антисоветскими выступлениями зажиточных общинников; наконец, деятельностью «ультралевых», твердивших о реакционности крестьянства вообще и общины в особенности. С их легкой руки до сих пор принято считать, будто разрушение общины, отрыв вчерашних общинников от земли и их ускоренное перемещение в город представляют собой чуть ли не обязательные атрибуты социалистического строительства. На самом же деле такой курс, какими бы причинами он непосредственно ни вызывался, какой бы идеологией ни оправдывался, представляет отнюдь не социалистическую, а радикально-капиталистическую тенденцию аграрных преобразований, ту самую экспроприацию общины, без которой капитализм не обходится никогда и нигде. На практике обе тенденции переплетались, сочетаясь в различных пропорциях на разных этапах советской истории и в разных частях страны. Противоборство их, драматичное для всего СССР, было чревато особо трагическими последствиями в

условиях Кавказа. В некоторых районах возобновилась вооруженная борьба против Советской власти.

Нелегко было решать на практике и национальный вопрос. Среди старых и новых кадров было немало националистов, искренне примкнувших к революции или примазавшихся к ней ради карьеры; и первые и особенно вторые несли с собой груз предрассудков. Каждый шаг в национальной политике надо было тщательно выверять, чтобы не оттолкнуть тех, кто мог нарушить мир в приграничном крае и поставить всю страну под угрозу.

Особенно силен был националистический уклон в партии и государственной администрации Грузии. Эта республика категорически отказалась дать районам с армянским и азербайджанским населением самим решить свою судьбу. Мингрелы и сваны, говорящие на своих языках, были просто объявлены грузинами, месхетинцы – турками. Автономию получили только осетины, абхазы и аджарцы, которые взяли ее сами. Националисты, называвшие себя коммунистами, доходили до требований запрета межнациональных браков и высылки инородцев из Грузии. Они едва не сорвали создание ЗСФСР и СССР.

Советская власть обеспечила всем народам свободу пользования родным языком в администрации и суде, обучения на нем в школе; для многих языков, не имевших письменности, она была создана. Большое внимание уделялось подготовке кадров коренных национальностей; для преодоления фактического неравенства им давалось преимущество в трудоустройстве и служебном продвижении. В рамках советской федерации сложилось несколько форм национальной государственности: советская социалистическая республика (ССР), имевшая даже право на выход из Союза; автономная советская социалистическая республика (АССР); автономная область (АО); автономный округ; автономный район. Такая структура управления позволяла учесть численность, уровень развития и традиции государственности каждого народа. Но национально-государственное размежевание в краю этнической чересполосицы было крайне сложным делом.

На Северном Кавказе вначале был взят курс на создание многонациональных автономий скорее по территориальному, чем по этническому признаку. Таковы были Дагестанская и Горская АССР, образованные в 1921 г.; в них вошли почти все народы Кавказских гор, кроме западных адыгов, для которых была создана Адыгейская АО. В Дагестане этот подход себя оправдал: он был и остается, пожалуй, самой мирной

республикой в регионе. Можно было сделать следующий шаг и создать Северо-кавказскую федерацию в составе СССР, но был избран путь создания отдельных автономий. Из Горской АССР уже в 1922 г. выделились Кабардино-Балкарский, Карачаевский и Чеченский автономные округа. В 1924 г. республику окончательно разделили на две АО – Северо-Осетинскую и Ингушскую, но столицей обеих пришлось оставить Владикавказ: других городов там просто не было. Чтобы расширить возможности развития автономных образований, в начале 30-х гг. их укрупнили и повысили их статус: были образованы Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская и Чечено-Ингушская АССР, Карачаево-Черкесская АО. Близкородственные народы, если не ветви единого народа (карачаевцы и балкарцы, а также кабардинцы, черкесы и адыгейцы), оказались в разных автономиях, а народности с весьма сложными отношениями между собой – в одной, что было чревато большими осложнениями. Народы оказались разделены и на тех, кто получил свою автономию, и тех, кто, как абазины, ногойцы, курды, талыши, остался без нее.

На решении национального вопроса негативно сказывалась международная ситуация. Советский Азербайджан в 1920 г. признал право армян Нагорного Карабаха и Нахичевани на самоопределение. Но Турция, оккупировавшая Нахичевань и часть Армении, поставила условием вывода своих войск передачу обоих районов тюркскому Азербайджану. В рамках Азербайджана были образованы Нахичеванская АССР и Нагорно-Карабахская АО; их статус был подтвержден референдумом. Потребность в добрососедских или хотя бы нормальных отношениях с Турцией и Ираном не позволила Советской стране ни добиться справедливости в отношении армян, пострадавших от турецкого геноцида 1915-18 гг., ни отстоять национальные интересы разделенных границей азербайджанцев, грузин, курдов, талышей.

Национальная политика была не свободна от просчетов идеологического порядка. «Левый» уклон проявлялся в том, что старую Россию огульно объявляли тюрьмой народов, без достаточных оснований причисляли к колониальным империям, а все выступления кавказских народов против нее, даже явно реакционные, превозносили как национально-освободительную борьбу. Когда по мере приближения войны понадобилось возродить русский патриотизм, ударились в другую крайность: чуть не все народы Кавказа стали добровольно вошедшими в состав России, Шамиль из революционера превратился в англо-турецкого агента. Эти шараханья играли на руку национализму.

Тяжелый урон нанесла Кавказу внутривнутриполитическая борьба 30-х гг., жертвами которой пали многие революционеры, в том числе руководители партизан 1919-20 гг.

Самая тяжелая ситуация сложилась опять же в Грузии, где первым секретарем ЦК Компартии стал Л.П. Берия – деятель с темными пятнами в биографии, работавший в свое время на мусаватистскую разведку; сам он уверял, что выполнял в лагере врага задание большевиков, его противники в партии доказывали, что все было наоборот. Правление Берии ознаменовалось сооружением памятника самому себе, депортацией месхетинцев и курдов, устранением неугодных сначала путем террористических актов, потом – арестов и расстрелов по ложным обвинениям. В дальнейшем он получил возможность применить этот опыт в масштабе всей страны.

К началу Великой Отечественной войны социальные и межнациональные противоречия на Кавказе далеко не были изжиты. Они подогревались деятельностью агентуры нацистской Германии и традиционного покровителя горского сепаратизма – Турции. Формально сохраняя нейтралитет, Анкара стала по существу невоюющим союзником держав оси. Ее армия стояла на границе, вынуждая СССР отвлекать от германского фронта крупные силы для прикрытия Закавказья. В Турции активно действовала «черкесская» и крымско-татарская эмиграция, фашиствующие генералы добивались войны с СССР для захвата Кавказа и Крыма, и сам президент Иненю в переписке с Гитлером обсуждал, сколько миллионов славян надо истребить для обеспечения «национальных интересов» их держав.

В 1942 г. на Северный Кавказ вторглись войска вермахта. С ними вернулись атаман северокавказских белоказаков Шкуро и глава адыгейской контрреволюции, потомок крымских ханов Клыч Селим Гирей; оба принялись сколачивать вооруженные отряды для службы Гитлеру. В некоторых горных аулах немцев встретили с кавказским гостеприимством. Карачаевские старейшины даже преподнесли фюреру белого коня. Горские коллаборационисты вместе с оккупантами запятнали себя массовыми убийствами пленных и мирного населения.

«Победа» в такой борьбе за «независимость» и с такими союзниками не сулила горским народам ничего, кроме катастрофы; провал ее обернулся трагедией. Через год после изгнания оккупантов, в 1944 г., автономии чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев были упразднены, их земли разделены между соседними областями и автономиями РСФСР и Грузией, а сами они депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. Акция мотивировалась сотрудничеством значительной части этих народов с врагом. Но ни военные соображения, ни необходимость привлечь предателей к ответу не объясняют, зачем понадобилось высылать поголовно всех и привлекать для этого значительные

воинские силы, когда бои шли уже далеко от Кавказа. Проведение депортации 23 февраля, в День Красной Армии, и отправка высланных в приграничные *тюркские* республики СССР вообще смахивают на провокацию в интересах националистов. Действительные причины этой акции еще предстоит исследовать с учетом переориентации Турции на англо-американский блок и внутривнутриполитических противоречий СССР (Берия говорил руководителю Кабардинской АССР, что Грузия нуждается в оборонительном рубеже по *северным* склонам Кавказа). 13 лет спустя депортированным разрешили вернуться; только месхетинцы и курды остались в Средней Азии, так как Грузия и Азербайджан отказались их принять.

Несколько десятилетий казалось, что раны зарубцевались. Кавказские республики, как и весь СССР, достигли больших успехов в экономике и культуре, жизненный уровень народа намного повысился. Социальный и национальный состав населения значительно изменился, выросла доля горожан, увеличилось число смешанных браков; в большинстве автономий коренные народности перестали составлять большинство.

Дорожа нелегко достигнутой стабильностью, советское руководство десятилетиями избегало любых перемен в национально-территориальном устройстве и кадровой политике. Искусственно консервировались преимущества для “национальных кадров”, уже утратившие прежний смысл; в новых условиях они постепенно превращались в средство распределения престижной работы и дефицитных товаров среди “своих”. В союзных республиках и автономиях негласно складывалась система правления наследственных кланов, воскрешавшая не лучшие традиции феодального и дофеодального прошлого. Национальная номенклатура каждой республики добивалась угодной ей трактовки этнокультурных и исторических вопросов. Жители Кавказской Албании задинм числом превратились в тюрок, Шамиль из англо-турецкого агента – в национального героя, хотя и неясно, какой нации. Обстоятельства войн от Кавказской до Второй мировой, не укладывавшиеся в официальную версию, не подлежали упоминанию. Подтасовывались даже данные переписей: сванов и мингрелов записывали грузинами, талышей – азербайджанцами. Все это порождало у одних националистическую спесь и иждивенчество, у других - глухое недовольство и обиду. От людей из республик Кавказа можно было услышать: «У нас Советской власти нет».

Несмотря на все это, СССР был прочен, пока более или менее последовательно проводил политику выравнивания уровней развития населявших его народов. Но эта политика могла быть вполне успешной только при своевременном переходе от

экстенсивного развития хозяйства к интенсивному, от завершения промышленного переворота к научно-технической революции (НТР). Только таким образом страна могла предотвратить образование массовой социальной группы городских маргиналов – мигрантов из деревни, оторвавшихся от прежней, общинной, и не освоивших новой, городской культуры. Именно эта социальная группа служит питательной почвой для всевозможных мафий, из кого бы они ни состояли – из уголовников или коррумпированных чиновников, «демократических» или национал-популистских демагогов, сепаратистов или фундаменталистов. НТР же в принципе давала возможность добиться того, чтобы не люди уходили из деревень и поселков в крупные города, где есть промышленность, следовательно, рабочие места, а сама промышленность двигалась туда, где есть нужные ей рабочие руки и головы. Но в условиях многонациональной страны для этого требовались иные критерии, нежели понятия на капиталистический лад рентабельность.

Проблема эта не была своевременно осознана и решена. Капиталистическая тенденция, усиливавшаяся на излете непомерно затянувшегося промышленного переворота, разлагала на протяжении последних 20-30 лет сплав государственной собственности с преобразованной общиной, который служил опорой тенденции социалистической. Именно этим, а не фатальным демоном национально-религиозной вражды и даже не обидами 30-х - 40-х годов, порождены потоки крови, обогрившие руины СССР.

С 60-х – 70-х гг. на Кавказе шли те же процессы, что и в других районах СССР, страдавших от аграрного перенаселения: Средней Азии (особенно Таджикистане), Закавказье, Западной Украине и Молдавии (полный список очагов воинствующего национализма и религиозно-общинного экстремизма накануне и в начале «перестройки», кровавых «межнациональных» конфликтов в годы разрушения СССР)². Оттуда в центр страны, где рабочих рук не хватало, устремлялся поток отходников, чей труд, не учитываемый статистикой, находил применение в теневой экономике. Закавказье превращалось в регион выращивания дорогостоящих овощей и фруктов для московских и северных рынков.

В республиках Кавказа теневой капитал уже к началу 80-х гг. стал мощной силой. Попавшее в его орбиту чиновничество было поражено коррупцией. Процессы предкризисного, а затем и кризисного развития шли там, как и в 20-е – 30-е годы, с опережением и оказывали значительное влияние на остальные республики СССР,

способствуя социальному, идейному и организационному вызреванию антисоциалистических сил. Показательно, что карьера ведущих деятелей «перестройки» была связана с Кавказом. М.С. Горбачев попал в Политбюро с руководства Ставропольским краем, в состав которого входила Карачаево-Черкесия. Э. Шеварднадзе, перестроечный министр иностранных дел, начал карьеру в комсомоле Грузии еще в бериевские времена, в начале 50-х гг., а с начала 70-х возглавил Компартию Грузии; при нем республика окончательно превратилась в заповедник коррупции. С теми же результатами правил Азербайджаном Г. Алиев, бывший руководитель Нахичевани, много сделавший для вытеснения оттуда армян; перед перестройкой его тоже взяли на повышение в Москву. А. Собчак, прежде чем стать мэром Ленинграда и сделать его снова Санкт-Петербургом, председательствовал в комиссии Верховного Совета по расследованию беспорядков в Тбилиси.

С началом «перестройки» тлевший на Кавказе пожар прорвался наружу. Боссы теневой экономики и коррумпированные чиновники разных наций снова, как до революции, начали выяснять отношения руками подкупленных или одурманенных банд погромщиков. Грузия отказалась принять у себя месхетинцев, депортированных еще Берией в 30-е гг. В начале 1988 г. в азербайджанском Сумгаите был учинен кровавый армянский погром. В ответ на это Нагорно-Карабахская АО заявила о выходе из состава Азербайджана. Затем в Азербайджане и Армении возникли «народные фронты», начавшие отстранять компартии от власти.

В апреле 1989 г. полыхнул Тбилиси. Националисты устроили митинг, заявляя «права» на Абхазию, а местное партийное руководство для поддержания порядка привлекло войска. Собчак с дрожью в голосе докладывал Съезду народных депутатов, как солдаты с саперными лопатками чуть ли не километры гнались за старушками и беременными женщинами. Генерал Родионов, командовавший войсками округа, объяснил, а экспертиза подтвердила, что первыми применили силу боевики Звиада Гамсахурдиа, использовавшие женщин как живой щит, у солдат не было ни оружия, ни пресловутых саперных лопаток; погибшие были задавлены толпой. Но «демократы», монополизировавшие СМИ, умело создавали общественное мнение, обвиняя во всем военных. У людей не возникало даже естественного вопроса: почему беременные женщины оказались на ночном митинге, в обстановке, в которой может произойти всякое? Устраивать такое нормальным людям не пришло бы в голову нигде, а на Востоке особенно. Родионова сняли. Гамсахурдиа выбрали президентом Грузии.

Во всех случаях руководство Союза сначала прибегало к неуклюжим силовым действиям, а затем позорно отступало. Сторонники единого социалистического Отечества были преданы, а экстремистам продемонстрировано безвластие союзного центра, возможность безнаказанно захватывать власть и расправляться с неугодными. Весной 1990 г. началось одностороннее провозглашение суверенитетов союзных республик. Первыми были прибалтийские, за ними - закавказские. Вчерашние партийные лидеры и национал-диссиденты вроде Гамсахурдиа наперегонки спешили порвать с "империей" и взвалить на нее вину за все подлинные и мнимые беды. Над Тбилиси, Ереваном и Баку снова были подняты знамена меньшевиков, дашнаков и мусаватистов.

Будь СССР унитарным государством вроде КНР, кризис скорее всего завершился бы примерно так же, как события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь и вокруг нее. Но он был федерацией, причем весьма необычной - с элементами как унитаризма (прежде всего роль КПСС как единой союзной партии), так и конфедерации (конституционное право союзных республик на выход из СССР, причем законодательный механизм реализации этого права отсутствовал). Это обстоятельство давало контрреволюции возможность создавать свое государство не путем немедленного слома старой власти, а вне ее - путем суверенизации союзных республик, прежде всего РСФСР. Оттолкнув произволом одни республики, явочным порядком разорвав с другими, пообещав третьим столько суверенитета, сколько они смогут проглотить, ельцинский режим не мог прийти ни к чему, кроме нескончаемого выяснения отношений между национал-приватизаторами разного масштаба.

В Закавказье, как и 70 лет назад, одним из первых результатов суверенизации стала армяно-азербайджанская война. Как и тогда, «национал-демократы» в кратчайший срок развалили в своих странах все и потеряли власть, вот только досталась она не революционерам. Первым был свергнут, а затем убит Звиад Гамсахурдиа: российским демократам, уже пришедшим к власти, лишние свидетели их дел были ни к чему. В президентское кресло был посажен проверенный Шеварднадзе. В Азербайджане президентом тоже стал старый знакомый Г. Алиев, а затем его сын. В Армении партийного лидера советских времен Демирчяна избрали председателем парламента, быть бы и ему президентом, если бы в зал заседаний не ворвались боевики и не перестреляли многих депутатов, включая председателя. С тех пор президентствуют бывшие лидеры Карабаха (сначала один, потом другой). Наследники Звиада, дашнаков и мусаватистов не раз пытались устраивать путчи, но поддержки не получили. У народа нет желания повторять

пройденное: при нынешних правителях, в отличие от «демократов», жить хоть и плохо, но можно.

На Северном Кавказе в начале 90-х делались попытки поставить в порядок дня реформу национально-территориального деления. Люди, принявшие всерьез демагогию о «революционной перестройке», вспомнили даже о Северо-Кавказской федерации. Автономные области провозгласили себя республиками. Собирались, почти как в 20-е годы, съезды карачаевцев, балкарцев, ногайцев и других народов, выдвигавших проекты автономии. Но им скоро пришлось убедиться, что контрреволюция – не революция. Единственным изменением административной карты оказалось обратное отделение Ингушетии от Чечни, а главным результатом – кровавый конфликт Ингушетии с Северной Осетией из-за пригородов Владикавказа, в прошлом общей столицы.

В автономиях как правила, так и правит бюрократия «титულიной» национальности, подавляющая любое недовольство. Нигде в России нет такой безработицы, такой массовой нищеты, такого полицейского произвола. Нигде так скандально не фальсифицируют выборы, не избивают прямо на избирательных участках наблюдателей, даже престарелых ветеранов войны. Приходится удивляться не тому, что в северокавказских автономиях время от времени гремят взрывы и стреляют в полицию, то бишь милицию, а тому, что массовых экстремистских движений до сих пор нет. Люди выражают недовольство в конституционной форме, голосуя за левую оппозицию. Не зря до сих пор города Дагестана носят имена тех, кто устанавливал Советскую власть, а президентом Ингушетии избран сын партизанского командира 1919-20 гг. Запас прочности, заложенный в советские годы, велик, но не бесконечен.

Кавказская Вандея.

Единственным исключением из правил на Северном Кавказе стала Чечня. Это – исключение в реакционную сторону, как Вандея во Франции XVIII в. Причины его надо искать в далекой и недавней истории.

Предки чеченцев жили, пожалуй, в самом укромном уголке Кавказа: через их горы нет удобных путей. Но плодородные земли предгорий у них, в отличие от большинства горцев, были. Поэтому они не только занимались отгонным скотоводством и земледелием для своих нужд, но и вели товарное хозяйство, продавая пшеницу всем соседним народам Северного Кавказа. В хозяйстве использовался труд рабов-пленников и батраков из малоземельных горцев. Из всех народов региона только у чеченцев уже к концу XVIII в. не осталось ни старой родовой, ни феодальной знати. Общины-тейпы имели самоуправление,

напоминающее казачье: в них мог быть принят любой пришелец, принявший ислам. Чеченцы соперничали с русскими казаками из-за удобных равнинных земель и уже с конца XVIII в. поднимали восстания против России. Но власть Шамиля оказалась для них еще менее приемлемой, и тейпы отошли от него, признав российское подданство. Вместе с тем тарикаты, которые у других народов были ослаблены и дискредитированы поражением, сохранили в Чечне влияние.

Революционные события 1917 г. и гражданская война привели в Чечне примерно к тем же последствиям, что и в русских казачьих землях. Конечно, и среди чеченцев были большевики, такие, как Асланбек Шерипов и его бойцы, оборонявшие Грозный в 1918-19 гг. Но в основном чеченские крестьяне, подобно казакам, истолковывали Декрет о земле как удовлетворение всех своих притязаний, не желая равноправия с чужаками на «своей земле». Как и казаки, они выступали то против белых, то против большевиков. И у тех и у других под покровом общинных отношений скрывалось сильное влияние кулачества. Но, в отличие от казачьих областей, потерявших в ходе гражданской войны традиционное самоуправление, чеченцы получили первое в своей истории государственное образование. В январе 1923 г. съезд чеченского народа провозгласил автономию. В выбранной для обсуждения практических вопросов делегации было 140 крестьян, 70 купцов, но тон задавали 35 мулл. К.Е. Ворошилов, присутствовавший на съезде, писал Сталину: «Муллы пользуются неограниченным влиянием, являясь единственной культурной силой. Свое положение служители аллаха используют со всем искусством восточных дипломатов. Население пребывает в первобытной темноте и страхе «божием»... Конечно, беднота, как и везде, имеется и в Чечне. Но, во-первых, в Чечне патриархально-родовые отношения сохранились почти в полной мере, а, во-вторых, всякий бедняк муллу и святого почитает во сто раз больше, чем кулака (кулак уже грамотный, а то и образованный) и, кроме того, муллы и всякого рода святые живут и жиреют за счет бедноты»³.

Коллективизация деревни вызвала в Чечне новую волну антисоветских мятежей. Не имея там прочной опоры, Советская власть попыталась создать ее путем объединения Чеченской АО с более лояльной Ингушской и включения в состав объединенной автономии города Грозного, где были кадры рабочих-нефтяников, преимущественно русских. В 1934 г. была образована Чечено-Ингушская АССР со столицей в Грозном. Но органического объединения трех частей автономии не получилось. Вместе с Грозным в ее состав вошли казачьи станицы, разделенные с чеченскими аулами вековой враждой. В

отличие от городов Дагестана, названных именами горских революционеров Махача и Буйнакского, Грозный не был переименован в честь Шерипова, сражавшегося и погибшего там. Центр столицы автономии по-прежнему украшал памятник генералу Ермолову, военачальнику Кавказской войны, с которым у чеченцев и ингушей связаны не лучшие воспоминания. В горах Чечни не прекращались вооруженные выступления.

В 1942 г. в пределы республики вторглись войска вермахта. Взять Грозный им не удалось, но в некоторых аулах их встретили как своих; другие держали нейтралитет, не пуская к себе ни немецкие, ни советские войска. Хотя среди чеченцев были и герои войны, например, подводник Магомед Гаджиев, в 1944 г. последовала депортация всех чеченцев и ингушей в Казахстан.

В 1957 году чеченцы вернулись в места прежнего проживания. Их возвращение вызвало массовые протесты русского населения, дошедшие до разгрома обкома партии; для наведения порядка пришлось вызывать войска.

Чечня снова была административно объединена с Ингушетией. В республике произошли серьезные социальные и территориальные изменения. Вместо прежних колхозов, сохранявших в той или иной мере общинные традиции, были созданы совхозы, т.е. государственные хозяйства. Использование значительной части земель, особенно горных пастбищ, перестало регулироваться прежними общинными правилами, а государственный контроль здесь было трудно осуществлять. Появились, при формальном отсутствии частной собственности, неучтенные отары овец, фактически принадлежавшие частным лицам, нередко занятым в торговле, администрации и т.п. Власть в республике сосредоточилась в руках уроженцев равнинной Чечни, связанных между собой родственными, земляческими и «деловыми» узами. В их интересах была произведена перекройка административных границ: в состав Чечни был включен левый берег Терека, издавна населенный русскими и ногайцами, а часть собственно чеченских земель осталась в границах соседней республики – Дагестана.

Все это вместе взятое создавало идеальные условия для коррупции, расцвета криминальной экономики и все возрастающего осложнения отношений между равнинной и горной частями Чечни, между чеченцами и другими народами. Избыточное население, покидая горы, устремлялось за пределы Чечни, в разные области России и Казахстана, где находило временные заработки, чаще всего в строительстве, или занималось торговлей. В обоих случаях среди мигрантов росло влияние криминального бизнеса. На этой базе стало

возрождаться влияние тарикатов, пустивших глубокие корни в горной Чечне и среди чеченской «диаспоры».

Вполне закономерно в начале 90-х гг. Чечня стала плацдармом контрреволюции. Националисты прибалтийских республик и российские «демократы» сумели обработать служившего в Прибалтике генерала-чеченца Д. Дудаева. Он встал во главе движения за «независимость» Чечни. Это была немыслимая смесь «демократии», национализма, исламского фундаментализма и ностальгии по Советскому Союзу: Дудаев и после распада СССР демонстративно продолжал носить советскую военную форму.

Сразу после августа 1991 г. сепаратисты свергли Советы и захватили власть. Над Грозным взвился зеленый флаг с изображением воющего волка – эмблемой турецких фашистов. Чечня была провозглашена суверенной Республикой Ичкерия. Дудаев объявил, что сделает республику вторым Кувейтом, хотя сразу после «Бури в пустыне» это звучало как издевательство.

Можно ли было всерьез говорить о независимости республики, где почти все – месторождения нефти, крупные реки, плодородные земли, немногочисленные заводы – сосредоточено на равнине, населенной в основном не чеченцами? Кроме того, Чечня не имеет выхода к морю, а сухие пути сообщения с внешним миром идут через Россию; на границе с Грузией есть только высокогорные тропы. В то же время через Чечню проходит единственная железная дорога, связывающая с центром Республику Дагестан и идущая дальше в Азербайджан и Иран, а также магистральные нефтепроводы.

Проблему нечеченского населения решили типичным для фашиствующих националистов способом. Сотни тысяч русских и людей других национальностей подверглись бандитскому насилию; одни были убиты, другие бесследно исчезли, третьи бежали из «суверенного государства», спасая жизнь и свои семьи; их имущество досталось криминальным дельцам. Заводы были разрушены или остановлены, уцелевшее оборудование разворовано. Самым выгодным бизнесом стали грабеж поездов и самовольное подключение к нефтепроводам. Кроме того, Чечня превратилась во внутреннюю оффшорную зону, место отмывки криминальных капиталов со всей России. Чечня первой в России распустила колхозы и вернула землю в частную собственность. Возродилось даже рабство: новые богачи считали особым шиком держать в усадьбах невольников-славян. Пленников из соседних кавказских республик отпускали за огромный выкуп.

Российские “демократы” и Запад закрыли глаза на воцарившийся в Чечне террор. Им надо было противопоставить Дудаева другому популярному чеченскому деятелю, главному противнику сепаратизма – председателю Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатову. По указанию из Москвы вооружение воинских частей, дислоцированных в Чечне, было передано сепаратистам. Летом 1993 г. Дудаев устроил генеральную репетицию ельцинского переворота - разогнал законодательное собрание Чечни и расстрелял митинг его сторонников.

После октября 1993 г. надобность в Дудаеве отпала, и ельцинский режим попытался отделаться от него. Поддержать чеченскую оппозицию по-настоящему он не хотел и не мог - за нею опять маячил Хасбулатов, а главное, призрак Советской власти. Оставалось компенсировать политическую неспособность военной силой. В декабре 1994 г. была развязана так называемая первая чеченская война. Министр обороны Грачев двинул танки на улицы Грозного, где боевики спокойно расстреливали их с заранее подготовленных позиций. Затем пошел в ход американский метод ковровых бомбежек. Грозный был превращен в развалины, погибло множество мирных жителей, в большинстве русских. Чечня все-таки стала вторым Кувейтом: по жертвам и разрушениям «буря в горах» не уступала «Буре в пустыне». Только лидеры сепаратистов почему-то остались целы и невредимы. Правда, стоило Дудаеву заикнуться о том, что он не возражал бы против восстановления СССР, если бы Чечня получила статус союзной республики, – и мятежный генерал тут же бесследно исчез. Его место заняли другие, уже не носившие советской формы, идеологи «национального возрождения».

К началу 1996 г. сепаратисты были загнаны в горы и близки к полному поражению. Тогда они пустили в ход оружие обреченных – террор. Боевики учинили немыслимое, особенно на Кавказе, деяние: захватили в городе Буденновск родильное отделение больницы и взяли в заложники врачей, рожениц и новорожденных. Как ни удивительно, главной цели они добились: власть вступила с ними в переговоры. “Демократические” СМИ в Москве начали всюю обличать жестокости войны. Виновными у них выходили, конечно, не Ельцин и его окружение, а военные. “Демократы” все еще не считали армию своей, видя в ней потенциальную союзницу левых, и стремились к ее максимальному ослаблению и дискредитации. Сепаратисты в долгу не остались: на российских выборах 1996 г. они, забыв про свой суверенитет, под угрозой расправы требовали голосовать за Ельцина.

Укрепив свои позиции, ельцинский режим попытался выпутаться из войны в Чечне и вознаградить сепаратистов за поддержку. С ними заключили мирное соглашение. Федеральные войска были из Чечни выведены и там состоялись “свободные” выборы, на которых победил, конечно, лидер сепаратистов. В Чечню, считавшую себя независимой, стали вкладываться федеральные средства “для восстановления разрушенного”. На самом деле была восстановлена и расширена “оффшорная зона”, через которую и эти средства, и другие капиталы утекали в неизвестном направлении.

И размерами, и условиями существования, и формой «власти», и отношениями с центром «национальное государство» напоминало прежние южноафриканские бантустаны. Чечне была уготована роль резервуара дешевой рабочей силы и пушечного мяса, перевалочного пункта торговли нефтью, наркотиками и оружием, очага нестабильности, который можно раздувать по мере надобности. Хотя независимость Ичкерии так никто и не признал, к ней стали проявлять интерес наиболее реакционные круги Турции, Саудовской Аравии, Пакистана и афганские талибы, связанные со старейшим фундаменталистским течением ислама – ваххабизмом.

В августе 1999 г. отряды боевиков вторглись из Чечни в Дагестан. Они рассчитывали на поддержку ваххабитов, которые еще несколько лет назад ввели в нескольких аулах порядки “исламской республики”. Кавказский кризис вызвал в России смену правительства. Премьером был назначен В. Путин. Вскоре Ельцин объявил его своим преемником. Путин выступил за решительный разгром боевиков, и это получило поддержку не только в Думе, но и в народе. В другой стране вчерашнего руководителя спецслужбы спросили бы, как могли боевики заставить всех врасплох. Но в России народ веками привык, если на Родину напали, ни о чем не спрашивать, а воевать. Теперь же людям, особенно военным, почудилось, что кончается унижительная сдача позиций и власть начинает защищать страну. Первую чеченскую войну КПРФ характеризовала как несправедливую с обеих сторон, теперь ничего внятного не говорилось, а оппозиционная печать поддерживала действия властей.

Боевики не получили поддержки в Дагестане. Наоборот, народ взялся за оружие и дал им отпор. Даже ваххабиты не присоединились к ним. Руководители северокавказских республик пытались избежать расширения войны и добиться разоружения экстремистов мирным путем. Но тут начались взрывы домов в Москве и Волгодонске. Раньше бомбы рвались только на далеком Кавказе, а теперь московский обыватель впервые почувствовал дыхание войны у своего порога. Никто - ни в Думе, ни вне ее - теперь и подавно не задавал

ФСБ вопросов. По Москве расклеили листовки с фотороботом лиц “кавказской национальности”, о которых до всякого судебного разбирательства говорилось как о виновниках взрывов. Кремль мог беспрепятственно применять на Кавказе силу. Все планы переговоров пресекались одним доводом: “Какие могут быть переговоры с террористами, убийцами мирных людей?”

Аулы, где укрепились ваххабиты, были взяты штурмом. Затем началась вторая чеченская война. Опять бомбили Грозный, опять его штурмовали. Правда, теперь воевали не так бездарно, как в первый раз. Главное же - изменилось отношение к войне в обществе. Власть снова использовала вековую установку народа: врага, напавшего на рубежи Родины, надо добить в его логове. Шум, поднятый на Западе вокруг событий на Кавказе, после бомбежек Сербии лишь усиливал впечатление агрессии, которую надо остановить любой ценой. Кроме того, новая буржуазия больше не боялась власти, а стремилась сплотиться вокруг нее. Поэтому российские правые больше не шумели о нарушении прав человека в Чечне, не поливали армию грязью, а, наоборот, изображали себя самыми большими патриотами.

После разгрома основных формирований боевиков большинство чеченской буржуазии и бюрократии пошло на компромисс с Кремлем. Они, как и их российские коллеги, предпочли бандитской вольнице сильную власть, способную обеспечить основные условия стабильной эксплуатации трудящихся. Центр назначил главой республики бывшего муфтия Ахмата Кадырова, в недавнем прошлом ближайшего коллегу Дудаева по войне с Россией.

Боевикам опять остался только террор. Но на сей раз им не помогли ни взрывы самолетов, ни захват заложников в московском театре «Норд-Ост», ни убийство Р. Кадырова, власть которого унаследовал сын Рамзан. Самой страшной террористической акцией стал захват сотен школьников и учителей в осетинском Беслане в сентябре 2005 г. От переговоров с террористами Кремль категорически отказывался, силам спецназа давался приказ уничтожить боевиков любой ценой, невзирая на жертвы. Российская и мировая общественность осуждала такие методы борьбы с терроризмом, но еще большее отторжение вызывали преступления боевиков против мирных граждан. Сепаратисты оказались в почти полной изоляции. В последние годы им удавались только мелкие теракты, в основном против сил МВД Чечни.

Хотелось бы думать, что песня сепаратистов спета. Но вопрос в том, насколько нынешние чеченские верхи лояльны федеральному центру. Ведь на их собственности и

власти лежит несмываемая печать преступления. Никто до сих пор не ответил за вытеснение и истребление нечеченцев. Пока центр силен, он может использовать новую чеченскую олигархию в своих целях, но и она использует сделку с ним для укрепления собственных позиций. В случае чего политические хамелеоны сменят цвет еще раз⁴.

---

¹ Цит. по: Дубинский-Мухадзе И. Орджоникидзе. М., Молодая гвардия, 1963. С. 248-249.

² Подобную ситуацию мы наблюдаем и в других странах – поставщиках гастарбайтеров: в Югославии (особенно в Боснии и Косове), Турции (особенно в курдских районах), Ливане, Алжире. Где «белые» и «розовые» революции вели дело к ускоренному разрушению общины и подвергали отсталые районы еще большей дискриминации, стремясь сделать их неисчерпаемыми резервуарами дешевой рабочей силы, – там рано или поздно вспыхивал огонь **сепаратизма или фундаментализма**.

³ Цит. по: Военные архивы России. Выпуск 1. М.: 1993. С.406-407.

⁴ Последняя и, безусловно, многообещающая новость (17.10.2008): в Чечне проведена международная исламская конференция и открыта мечеть имени А. Кадырова, крупнейшая в Европе.